

А. В. Корнилова

**А. С. Пушкин и К. П. Брюллов.
Интерпретация воспоминаний современников**

В статье прослеживается история знакомства А. С. Пушкина и К. П. Брюллова. Сопоставление текстов воспоминаний и дневников современников, часто противоречивых, позволяет воссоздать яркие подробности и оттенки взаимоотношений «первого поэта» и «первого художника» России той эпохи.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, К. П. Брюллов, воспоминания, современники

Anna Kornilova

**A. S. Pushkin and K. P. Brullov.
Interpretation of memoirs of contemporaries**

The article traces the history of A. S. Pushkin's acquaintance with K. P. Brullov. The comparison of memoirs's texts and diaries of contemporaries which are often contradictory helps to reconstruct the vivid details and nuances of interrelation of the Russian «first poet» and the «first painter» of that epoch.

A. S. Pushkin, K. P. Brullov, the memoirs of contemporaries

А. С. Пушкина всегда привлекал мир художников. Со многими из них он был так или иначе связан. Одним позировал для портретов, с другими советовался об иллюстрациях к своим произведениям, с третьими встречался на выставках или в мастерских Академии художеств. Лишь далеко не полный перечень имен – В. А. Тропинин, О. А. Кипренский, Г. Г. Гагарин, А. О. Орловский, Д. Доу, Ф. П. Толстой – позволяет очертить круг знакомств Пушкина среди художников.

Особое место среди них принадлежит К. П. Брюллову. Оба они, поэт и художник, родились в 1799 г. и были ровесниками; оба воспитывались в специальных закрытых учебных заведениях: Академии и Лицее, для обоих учебный период был временем пробуждения талантов. В эти годы юный лицеист Александр Пушкин опубликовал в «Российском музее» и «Вестнике Европы» первые свои стихотворения, а воспитанник Академии художеств Карл Брюллов был удостоен первой в своей жизни медали за рисунок с натуры.

В ранней молодости встретиться им не довелось, хотя существует мемуарное свидетельство М. И. Железнова, ученика художника, который вспоминал: «В 1849 г. ... на пути из Варшавы в Дрезден Брюллов, сидя в вагоне, разговаривал со мною и, припомнив, что в Варшаве его посетила дочь Оленина (президента Академии. – А. К.) Анна Алексеевна Андрю, рассказал, что в молодости она была прехорошенькая, что Пушкин был в нее влюблен, хотел на ней жениться и сватался, но что она за него не пошла.

Рассказ Брюллова так поразил меня, что я просил его объяснить мне, каким образом Анна Алексеевна, особа очень бойкая, не смек-

нула, что быть женою Пушкина было лучше, чем женою г. Андрю? Брюллов, после минутного молчания, отвечал: „Сказать правду, тогда она была влюблена в меня и бросала мне такие взгляды, что я чуть-чуть не женился“. – „За чем же дело стало?“ – „Я заболел и более месяца пролежал в постели, но зато оставил ее свободной и от болезни, и от любви“»¹.

Это замечание Брюллова, скорее всего, следует рассматривать как курьез, нежели искать в нем правды. Во-первых, сватовство Пушкина относилось в 1828 г., а Брюллов еще в 1822 г. уехал в Италию и оставался там до 1835 г. Кроме того, отказ родителей Анны Алексеевны, принадлежавших к высшему петербургскому свету, объяснялся тем, что репутация Пушкина, как «неблагонадежного», недавно вернувшегося из ссылки и находящегося под секретным надзором, никак не способствовала положительному решению дела. Кроме того, позже, отвечая на вопрос своего племянника (композитора А. А. Оленина), почему она не вышла замуж за Пушкина, Анна Алексеевна ответила: «Он был вертопрах, не имел никакого положения в обществе и не был богат»². Этот отзыв говорит лишь о непонимании значения выдающегося поэта и прямо объясняет причину, «почему Аннет Оленина не стала Аннет Пушкиной»³.

Брюллов же, если и встречался с ней до своего отъезда за границу в 1822 г., а прямых документальных свидетельств этого не существует, то, возможно, лишь эпизодически. Будучи воспитанником Академии, он уже отличался от других талантом и общительностью, а потому мог бывать в доме Оленина на Фонтанке и имении Приютино, где под гостеприимным кровом президента Ака-

демии и директора Публичной библиотеки собирались художники, литераторы и композиторы, «все, что было в то время лучшего»⁴.

На роль жениха Брюллов в то время никак не мог претендовать ни по своему положению в обществе, ни по статусу. По происхождению он относился к третьему сословию и получил не родовое, а всего лишь личное дворянство только по окончании Академии. Кроме того, полагающейся пенсионерской поездки в Италию Брюллов сразу не получил и открыто поссорился с президентом. Таким образом, рассчитывать на сколь-либо положительный ответ в случае сватовства к А. А. Олениной ему не приходилось, и потому запись рассказа Брюллова, сделанная М. И. Железновым, не выдерживает критики при ближайшем рассмотрении. Истоки ее появления следует скорее искать в характере говорившего и присущих ему человеческих слабостях...

Любопытно, что мемуарист не опубликовал эту запись при жизни, хотя и приобрел известность как автор воспоминаний и издатель писем К. П. Брюллова. Очевидно, его одолевали те же сомнения. Однако в печатный вариант воспоминаний М. И. Железнов включил далеко не все, что составляло его рукописные заметки. «Я бы мог рассказать о Брюллове, как о человеке, много дурного и кое-что хорошее, потому что люди, которые должны были бы хорошо отзываться о нем, льстившие ему, считавшие за честь быть с ним вместе и называться его приятелями, не заметили в нем ничего хорошего и рассказывают о нем только одно дурное», – писал он⁵. Исходя из этого Железнов не опубликовал и один из известных ему эпизодов, касающихся отношений Брюллова и Пушкина к А. А. Олениной.

До 1970-х гг. этот рассказ оставался в архиве Государственного Русского музея, и впервые был опубликован автором данной статьи только в 1974 г. в издании «Пушкин в воспоминаниях современников».

Обращаясь вновь к параллелям в жизни и творчестве поэта и художника, приходится констатировать, что реальное их знакомство произошло лишь в 1836 г. Если учесть, что в 1822 г. Брюллов отправился за границу как пенсионер Общества поощрения художников, а вернулся в Россию лишь в конце 1835 г., да и то в Москву, а не в Петербург, а Пушкин встретился с ним в мае 1836 г., то непосредственное их общение продолжалось меньше года, – до трагической гибели Пушкина. Несмотря на это, знакомство поэта с произведениями Брюллова, – а это, значит, и косвенно с ним самим, – произошло гораздо раньше.

В 1827 г. в магазине «постоянного сбыта ху-

дожественных произведений», помещавшемся тогда в доме Марса на Невском проспекте (ныне Невский, 46). была выставлена картина Брюллова «Итальянское утро», имевшая большой успех у публики. Именно здесь и произошло первое знакомство А. С. Пушкина с творчеством Брюллова.

В мае 1827 г. после семилетнего отсутствия поэт вернулся в Петербург. И сразу же А. А. Дельвиг поспешил отвести его на выставку, так как о картине Брюллова много говорили и писали. «1827 г. В один из дней начала летая посетил бывшую тогда выставку художественных произведений на Невском проспекте против Малой Морской, – писал мемуарист А. С. Андреев. – В это время была выставлена картина, присланная Карлом Брюлловым из Италии, известная под названием „Итальянское утро“. Уже не в первый раз я с безотчетным приятным наслаждением смотрел на эту картину. Странное чувство остановилось во мне. Казалось, я дышал каким-то мне дотоле неизвестным воздухом. Что-то неизъяснимо приятное окружало меня.

С таким чувством я вышел на улицу, и первые особы, мне встретившиеся, были барон Дельвиг и с ним под руку идущий, небольшого роста, смуглый, с курчавыми волосами. Я с Дельвигом поздоровался, как с хорошо знакомым, и он меня спросил, разве я не знаю его (указывая на своего товарища). Получив от меня отрицательный ответ, он сказал: „Это Пушкин“. Тогда я, от души обрадовавшись, отнесся к Александру Сергеевичу, как уже к несколько знакомому, ибо часто, до его приезда виделся с его матерью Надеждой Осиповной и сестрою Ольгой Сергеевною. Одежда на нем была вовсе не петербургского покроя, в особенности же картуз престранного вида (это были первые дни его приезда из Бессарабии)»⁶.

Здесь мемуарист несколько запямятовал: Пушкин вернулся в столицу в 20-х числах мая 1827 г. после ссылки в Михайловском, а Дельвиг с 31 мая считался в отпуске в Ревеле, следовательно, посещение выставки можно отнести к самому концу мая (точная дата отъезда Дельвига в Ревель неизвестна). Неудивительно, что старый лицейский товарищ поэта, «художников друг и советник», спешил отвести Пушкина на выставку: о картине Брюллова много говорили и писали.

Журнал «Отечественные записки», видевший в ней «новое свидетельство первоклассного таланта... молодого артиста», посвятил ей восторженный отзыв: «Картина сия заключает в себе истинное волшебство живописи, – писал критик, – девушка, восторженно смотрящая от сладко-

го сна, бежит к фонтану освежиться водой. Она подставила обе ручки под желобок и с нетерпением ждет, как они наполняются водой. На сию последнюю устремлено все ее внимание, она не замечает, что на нее обращен жадный взор зрителя... Между тем лучи восходящего солнца пробиваются, как чрез янтарь, сквозь прелестное ушко ее. Это совершенное очарование!»⁷.

Дельвиг сразу же «подвел Пушкина к „Итальянскому утру“, – вспоминал А. С. Андреев, – остановившись против этой картины, он долго оставался безмолвным и, не сводя с нее глаз сказал: „Странное дело, в нынешнее время живописцы приобрели манеру выводить из полотна предметы и в особенности фигуры; в Италии это искусство до такой степени утвердилось, что не признают того художником, кто не умеет этого делать“.

И, вновь, замолчав, смотрел на картину, отступил и сказал: „Хм. Кисть, как перо: для одной – глаз, для другого – ухо. В Италии дошли до того, что копии с картин столь делают похожими, что ставя одну оборот с другой, не могут и лучшие знатоки отличить оригинала от копии. Да, это как стихи, под известный каданс можно их наделать тысячи, и все они будут хороши. Я ударил об наковальню русского языка, и вышел стих – и все начали писать хорошо“. В это время он взглянул на Дельвига, и тот с обычной своею скромностью и добродушием, потупя глаза, ответил: „Да“»⁸.

Замечание Пушкина о копиистах прямо перекликается с историей создания этого раннего произведения Брюллова. М. И. Железнов писал по этому поводу: «Вскоре по приезде в Рим он (Брюллов. – А. К.) сидел в кафе Греко вместе с немецкими художниками, говорившими, что искусство оканчивать картины так, как их оканчивали голландские художники, было потеряно. Брюллов, не соглашаясь с этими мнениями, сказал, что художники перестали так оканчивать свои произведения потому, что считали такую оконченность излишней, и, чтобы доказать справедливость своих слов, написал „Итальянское утро“»⁹.

Пушкин сам не был художником, но как мастер хорошо знал приемы и технику создания художественного произведения. С прозорливостью гения угадал он истинную причину тонкой отточенности брюлловской живописи. Речь шла о подражании, и Дельвиг потупил глаза. Он знал кто был первым в русской поэзии, и кто шел за ним...

Позднее, на такой же выставке Общества поощрения художников Пушкин мог видеть и другие работы Брюллова: акварельные студии и ставший знаменитым «Итальянский полдень». Наконец, большое впечатление произвело на

него и прославленное полотно «Последний день Помпеи», доставленное в Петербург в 1834 г. на корабле «Царь Петр» и выставленное в Академии художеств. Узнав об этом, поэт поспешил на Васильевский остров, чтобы увидеть картину. Свое впечатление он выразил в стихотворении:

Везувий зев открыл – дым хлынул клубом – пламя
Широко развилось, как боевое знамя,
Земля волнуется – с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,
Толпами, стар и млад, под воспаленным прахом,
Под каменным дождем, бежит из града вон.

Стихи были написаны на небольшом листке. Под ними Пушкин сделал рисунок с одной из центральных групп картины: юноши, несущие на плечах старика-отца. И стихи, и рисунок были изданы после смерти поэта. Неизвестно, успел ли Пушкин показать их Брюллову, или нет, но как бы то ни было, они являются свидетельством внимания, с которым поэт отнесся к художнику еще задолго до непосредственного знакомства.

Первая непосредственная их встреча произошла в Москве в 1836 г. Брюллов, вытребованный Николаем I из-за границы в Петербург, проездом задержался у своих московских друзей. Здесь он писал портреты, делал эскизы будущих картин. В столицу не торопился: опасения потерять независимость и превратиться из свободного художника в чиновника, затянутого в академический мундир, пугало его.

В Москву же в ночь на 3 мая 1836 г. приехал Пушкин. Восторженные отзывы о Брюллове в письмах П. В. Нащокина к поэту предшествовали их встрече. Сразу же по приезде Пушкин поспешил разыскать художника. «Я успел уже посетить Брюллова, – писал он Наталье Николаевне 4 мая. – Я нашел его в мастерской какого-то скульптора (И. П. Витали. – А. К.), у которого он живет. Он очень мне понравился. Он хандрит, боится русского холода и прочего...»¹⁰.

И в письме от 16 мая: «Зазываю Брюллова к себе в Петербург. – Но он болен и хандрит...». В другом письме он продолжает: «Брюллов сейчас от меня. Едет в Петербург скрепя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утешить и ободрить; а между тем у меня у самого душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист...»¹¹.

Беседы с Брюлловым всколыхнули в Пушкине горькие мысли. Оба они: и поэт, и художник находились в равно безвыходном положении. Холодное дуновение Зимнего дворца преследовало повсюду, как бы далеко от столицы они ни оказывались. Среди гостеприимных

«рассыпчатых» москвичей с их хлебосольством и радушием петербуржцы не могли не думать о том, что в скором времени ждет их на берегах Невы. Возвращение туда для Брюллова означало потерю независимости. Николай I мог распорядиться судьбой художника как ему заблагорассудится. «Он чину мелкого... – писал о Брюллове П. В. Нащокин в письме к Пушкину. – Что он Гений, нам это нипочем»¹².

18 мая Брюллов дилижансом выехал из Москвы, а вслед за ним отправился и Пушкин. 23 мая в «Прибавлениях к „Санкт-Петербургским ведомостям“» сообщалось, что в город прибыл «Академии художеств почетный вольный общник Карл Брюллов». Днем позже возвратился Пушкин.

Поэт сразу же поспешил к семье, на дачу, которая находилась на Каменном острове. У Брюллова собственного жилища в Петербурге пока еще не было. Академия, хотя и ждала своего прежнего воспитанника, но полагающейся ему квартиры не приготовила. Выручил близкий друг Пушкина, остролов и «неизвестный сочинитель всем известных эпиграмм» С. А. Соболевский, который был хорошо знаком Брюллову по Италии. Он предложил ему поселиться в своей пустующей квартире в доме Таля на Невском проспекте (ныне, Невский пр., 6), против Малой Морской. Это был трехэтажный дом с балконом над проезжей аркой и большими прямоугольными окнами, украшенными сандриками. Он сохранился в перестроенном виде. Сюда Пушкин и его друзья, жившие на Каменном острове, отправили Брюллову приветствие по поводу праздника, устроенного Академией 11 июня в честь возвращения художника.

Пушкин и Соболевский «свидетельствовали Брюллову свое почтение». Кроме них под запиской подписались И. С. Мальцев, товарищ Соболевского и хозяин квартиры в доме Таля, подпоручик А. П. Никитин, соученик Брюллова по Академии, и Ф. И. Доливо-Добровольский, владелец дачи на Крестовском острове, где писалась записка¹³.

Отсюда же, из дома Таля, как-то неожиданно нагрянув, Пушкин увез Брюллова к себе на дачу. «Вскоре после того как я приехал в Петербург, – вспоминал Карл Павлович, – вечером ко мне пришел Пушкин и звал к себе ужинать. Я был не в духе, не хотел идти и долго отказывался, но он меня переупрямил и утащил с собой. Дети Пушкина уже спали, он их будил и выносил ко мне поодиночке на руках. Не шло это к нему. Было грустно, рисовало предо мною картину натянутого семейного счастья, и я его спросил: „На кой черт ты женился?“ Он мне ответил: „Я хотел ехать за границу – меня не пустили, и попал в такое положение, что не знал, что мне делать, – и женился...“»¹⁴.

Много позже, когда поэта уже не было в живых, Брюллов «не мог равнодушно вспоминать, что Пушкин не был за границей, – писал М. И. Железнов, – и при мне сказал г. Левшину, генералу с двумя звездами: „Соблюдение пустых форм всегда предпочитают самому делу. Академия, например, каждый год бросает деньги на отправку за границу живописцев, скульпторов, архитекторов, зная наперед, что из них ничего не выйдет. Формула отправки за границу считается необходимою, и против нее нельзя заикнуться, а для развития настоящего таланта никто ничего не сделает. Пример налицо – Пушкин. Что он был талант – это все знали, здравый смысл подсказывал, что его непременно следовало отправить за границу, а... ему-то и не удалось там побывать, и только потому, что его талант был всеми признан“»¹⁵.

Тема бегства из России, очевидно, не раз служила предметом бесед между поэтом и художником. Она была близка обоим, и здесь они были единомышленниками. Тоска по «адриатическим волнам» проходит через многие произведения Пушкина. Брюллов также рвался в Италию все то время, что ему пришлось жить в Петербурге.

Исторический живописец, он вынужден был замкнуться в рамках портрета и не создал ничего значительного в историческом жанре. «Не могу работать в Петербурге», – резюмировал художник. А ведь еще недавно, в Москве Пушкин прочил славу его будущей картине «Нашествие Гензериха на Рим». Поэт с интересом рассматривал начатый Брюлловым эскиз: толпы вандалов с гиканьем на бешеных скакунах врвались в Рим и растекались по его улицам, уничтожая все на своем пути. Пушкин сказал, что картина, выполненная по этому эскизу, может стать «выше Помпеи». «Сделаю выше!» – ответил Брюллов.

Тогда же произошел и знаменательный разговор по поводу сюжетов для исторических картин. Именно в 1836 г. поэт особенно интересовался русской историей. Незадолго до этого вышла в свет «История Пугачева», создавалась «Капитанская дочка». «Пушкин предлагал Брюллову сюжет из жизни Петра Великого», – писал Н. А. Рамазанов¹⁶. Художник его слушал с «почтительным вниманием. Когда Пушкин кончил, Карл Павлович сказал: „Я думаю, вот какой сюжет просится под кисть“ – и начал объяснять кратко, ясно, с увлечением поэта, так что Пушкин завертелся и сказал, что он видит картину, писанную перед собой»¹⁷. Огненная речь Брюллова поразила его. Однако замысел остался неосуществленным, как осталась незавершенной и другая картина «Осада Пскова»¹⁸.

Пушкину очень хотелось иметь портрет Натальи Николаевны кисти Брюллова. «У меня, брат, такая красавица жена, – передавал слова поэта Рамазанов, – что будешь стоять на коленях и просить снять с нее портрет». В свою очередь 4 мая, еще из Москвы, он писал Наталье Николаевне: «У него (Брюллова. – А. К.) видел я несколько начатых рисунков и думал о тебе, моя прелесть. Неужто не будет у меня твоего портрета, им писанного? Невозможно, чтобы он, увидя тебя, не захотел срисовать тебя; пожалуйста, не прогони его, как прогнала ты прусака Криндера. Мне очень хочется привести Брюллова в Петербург. А он настоящий художник, добрый малый и готов на все»¹⁹.

Желание Пушкина осталось неосуществленным. Как модель Наталья Николаевна не заинтересовала Брюллова, а в таких случаях он никогда не брался за работу. Даже Николай I не мог добиться от художника окончания своего портрета.

В Петербурге поэт не раз посещал мастерскую Брюллова в Академии художеств. 11 ноября 1836 г. А. Н. Мокрицкий записал в своем дневнике: «...зашел я к Брюллову... у него застал Жуковского, Пушкина и барона Брамбеуса. „Хороший квартет“, – подумал я, глядя на них»²⁰. Можно предположить, что эта оценка была несколько ироничной и мемуарист хотел лишь подчеркнуть несовместимость «квартета». Позднее в своих воспоминаниях, датированных им 25 января 1837 г., т. е. двумя днями ранее роковой дуэли Пушкина, Мокрицкий приводил другой эпизод: «Сегодня в нашей мастерской было много посетителей, это у нас не редкость, но между прочим, были Пушкин и Жуковский. Сошлись они вместе, и Карл Павлович угощал их своею портфелью и альбомами. Весело было смотреть, как они любовались и восхищались его дивными акварельными рисунками, но когда он показал им недавно оконченный рисунок: „Съезд на бал к австрийскому посланнику в Смирне“, то восторг их выразился криком и смехом. Да и можно ли глядеть без смеха на этот прелестный забавный рисунок? Смирнский полицмейстер, спящий посреди улицы на ковре и подушке, – такая комическая фигура, что на нее нельзя глядеть равнодушно. Позади него, за подушкой, в тени, видны двое полицейских стражей: один сидит на корточках, другой лежит, упершись локтями в подбородок и болтая ногами, обнаженными выше колен, эти ноги, как две кочерги, принадлежащие тощей фигуре стража, еще более выдвигают полноту и округлость форм спящего полицмейстера, который будучи изображен в ракурсе, кажется оттого еще толще и шире. Пушкин не мог расстаться с этим рисунком, хохотал до слез и просил Брюллова пода-

рить ему это сокровище, но рисунок принадлежал уже княгине Салтыковой, и Карл Павлович, уверяя его, что не может отдать, обещал нарисовать ему другой. Пушкин был безутешен: он с рисунком в руках стал перед Брюлловым на колени и начал умолять его: „Отдай, голубчик! Ведь другого ты не нарисуешь для меня, отдай мне этот“. Не отдал Брюллов рисунка, а обещал нарисовать другой. Я, глядя на эту сцену, не думал, что Брюллов откажет Пушкину. Такие люди, казалось мне, не становятся даром не колени перед равными себе. Это было ровно за четыре дня до смерти Пушкина»²¹.

По свидетельству того же Мокрицкого, Брюллов после гибели поэта долго упрекал себя за то, что не отдал ему рисунка. Другой ученик художника, М. И. Железнов, добавлял: «Я не понимаю, почему Мокрицкий, передавал это обстоятельство без конца, который он сам мне рассказывал и который, по моему, очень важен. Брюллов не отдал Пушкину рисунка, сказав, что рисунок уже продан княгине Салтыковой, но обещал Пушкину написать с него портрет и назначил время для сеанса. На беду, дуэль Пушкина состоялась днем ранее назначенного срока»²².

То, чего не мог понять Железнов, объясняется следующими обстоятельствами. «Воспоминания» Мокрицкого «появились в печати в 1855 г., вскоре после смерти Брюллова. В то время вокруг его имени велись самые горячие споры, высказывались самые противоречивые мнения. В обществе зародилось „сомнение... относительно гениальности Брюллова, а от сомнения до отрицания всего один шаг“. Ученики художника сочли себя обязанными предупредить этот шаг. „Мы, – писал Н. А. Рамазанов, – отобрав подробные сведения о Брюллове, постараемся передать со временем публике верное и беспристрастное описание жизнеописания многолюбимого и многопочитаемого оставившего нас гения»²³. Подобное жизнеописание дал в своих «Воспоминаниях о К. П. Брюллове» Мокрицкий. Реальные факты преломляются в них через призму авторской экзальтации. Имени художника постоянно сопутствуют эпитеты «великий», «знаменитейший», «гениальный». Эпизод с коленопреклоненным Пушкиным также возвышал Брюллова, и не только ставил знак равенства между ними, но и несколько приподнимал художника над поэтом, подчеркивая его преимущество в данной ситуации.

Следует учесть, что этот случай, выведенный в «Воспоминаниях» с точным указанием даты «25 января», отсутствует в «Дневнике» Мокрицкого. Не принадлежит ли он к числу «отобранных», как то рекомендовал Рамазанов, или просто сомнительных фактов? Ведь никто

другой из мемуаристов не упоминает о нем, а, по словам Мокрицкого, в тот день в мастерской присутствовало много народа, и необычное зрелище коленапреклоненного Пушкина должно было запомниться еще кому-нибудь.

Более того, из «Дневника» Мокрицкого мы узнаем, что в этот период Брюллов был тяжело болен. «18 числа... (Карл Павлович. – А. К.) возвратился от Кукольника... лег в постель, и вот с этого дня болезнь постепенно усиливалась и довела его до такого положения, в котором он еще не был, – он был очень плох, но благодаря искусству доктора Пеликана... вот уже третий день... чувствует себя гораздо лучше», – писал Мокрицкий 31 января 1837 г. Вряд ли столь тяжело больной художник мог принимать у себя большое общество.

Итак, известие о гибели Пушкина застало Брюллова больным. Из дома он не выходил. Проститься с поэтом отправился Мокрицкий. Вернувшись в мастерскую, он принес с собой рисунок: мертвый поэт лежал одетый в старый поношенный сюртук, голова его покоилась на подушке, две восковые свечи горели ровным тихим огнем.

Мокрицкий застал у Брюллова актера П. Каратыгина. Тот был взволнован. День отпевания поэта совпадал с его бенефисом – должен был идти «Скупой рыцарь» Пушкина. Каратыгин решил перенести бенефис на следующий день. «Но пьесы этой играть не будут!» – с прозорливостью писал А. И. Тургенев. Сочувствуя Каратыгину, Мокрицкий подарил ему свой рисунок.

В мастерскую Брюллова приходили Жуковский, Краевский, который заведовал корректурой пушкинского «Современника», говорили о последних днях поэта, читали найденные в рукописях «Русалку», «Каменного гостя». «Отцов пустыльников».

Художник «читал его стихотворения, восхищался каждой строкой, каждой мыслью знаменитого поэта». «Завидую его кончине», – записал Мокрицкий в дневнике слова Брюллова.

Друзья поэта задумали издать полное собрание его сочинений. Брюллов вызвался сделать фронтиспис. Намерение это художник осуществил лишь отчасти. В карандашном наброске он изобразил Пушкина сидящим на высокой скале с лирой в руках. Тени великих поэтов и аллегорические фигуры России и Поэзии окружают его. Брюллов хотел изобразить Пушкина... на скале Кавказских гор, посреди величественной кавказской природы...», – писал Мокрицкий. Фронтиспис был данью Брюллова памяти Пушкина.

Позднее художник написал картину на сюжет пушкинского «Бахчисарайского фонтана». Он изобразил «робких жен» Гирея в саду у бассейна, следящими за движениями рыб в воде. В картине нет драматизма, свойственного поэме, идиллические,

зрительно чувственные настроения делают ее живописной иллюстрацией к стихам:

Беспечно ожидая хана,
Вокруг игривого фонтана
На шелковых коврах оне
Толпою резвою сидели
И с детской радостью глядели,
Как рыба в ясной глубине
На мраморном ходила дне.

В память о поэте художник поставил у себя в мастерской его «вызолоченный» бюст и позднее, уже из Италии, спрашивал в письме, цел ли этот бюст, в порядке ли он.

Брюллов не только хорошо относился к Пушкину как к человеку, он глубоко чтит его талант, мастерство: а цену мастерству он знал, как никто.

Примечания

¹ Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 2. С. 326.

² Там же. С. 471.

³ Там же.

⁴ Оленина А. А. Воспоминания // Огонек. 1966. № 49. С. 24.

⁵ ГРМ. Отд. рукоп. Ф. 22. № 31.

⁶ Андреев А. С. Встреча с А. С. Пушкиным // Звезда. 1933. Ч. 2. С. 235.

⁷ Отеч. записки. 1826. № 70, февр. С. 344.

⁸ Андреев А. С. Указ. соч. С. 236.

⁹ Железнов М. И. Неизданные письма К. П. Брюллова и документы для его биографии. Женева, 1867. С. 2.

¹⁰ Пушкин А. С. Письма последних лет. 1834–1837. Л., 1969.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Временник пушкинской комиссии 1967–1968. Л.: Наука, 1970. С. 95–97.

¹⁴ Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 326.

¹⁵ Там же. С. 471.

¹⁶ Рамазанов Н. А. Материалы для истории художеств в России. М., 1863. Т. 1. С. 201.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Временник пушкинской комиссии 1967–1968. С. 95–97.

²⁰ Дневник художника А. Н. Мокрицкого / сост. вступ. ст. и примеч. Н. Л. Приймак. М., 1975.

²¹ Мокрицкий А. Н. Воспоминания о К. П. Брюллове // Отеч. записки. 1855. Т. 12. С. 165.

²² Живопис. обозрение. 1898. № 227/233.

²³ Цит. по коммент. А. В. Корниловой к материалам о А. Н. Мокрицком (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 478).